

Владимир Познер открыл нам Америку. Ведущий знаменитых телемостов с Филом Донахью, лауреат «ЭМИ» — высшей американской телевизионной награды, автор нескольких популярных программ в России и США, он два года назад стал президентом Академии Российского Телевидения. Что, согласитесь, вполне закономерно, поскольку именно с Познером у многих из нас ассоциируется само слово «телевидение».

— Владимир Владимирович, как далеко простираются ваши президентские полномочия?

— Полномочие одно: если при голосовании мнения академиков разделятся поровну, я имею право дополнительного голоса. Пока что этой привилегией мне пользоваться не приходилось.

— Как решился вопрос о том, могут ли сами академики выставлять свои кандидатуры на приз «ТЭФИ»?

— На первом заседании Академии в 95-м году было решено, что коль скоро академики (и только они) определяют лауреатов «ТЭФИ», сами они не могут участвовать в конкурсе. Это вызвало недовольство критиков. Тогда в 96-м году мы изменили свое решение. И вышло еще хуже: критики заявили, что мы сами себя награждаем. Я всегда считал, что члены Академии не должны участвовать в конкурсе. Но пока что я, к сожалению, в меньшинстве. Так что в этом году все остается по-старому: академики и голосуют, и участвуют в конкурсе.

— Но уж в чем академики проявляют завидное единодушие, так это в оценке телевидения. Они его ругают. Тут вы согласны с большинством?

— Пожалуй, да. Беда состоит в том,

являясь, что это не так. Сегодня нам очень нужно государственное телевидение — такой канал, который финансируется государством, выражает, если угодно, государственный взгляд, но без контроля над содержанием. Такое телевидение уже не будет ставить рейтинг во главу угла.

— Если бы вы не были против участия академиков в конкурсе «ТЭФИ», какую свою работу вы хотели бы видеть в числе номинантов или призеров?

— Если честно, награды меня не очень волнуют. Признание — это приятно. Но каждый из нас (если, конечно, не болен) прекрасно понимает, чего он стоит, что он сделал, что хорошо, а что — не очень. И никакие внешние атрибуты здесь значения не имеют. Можно навесить человеку массу орденов на грудь, но при этом и он, и все остальные будут понимать, что человек этот — пустышка. И наоборот.

— Рейтинги вас тоже не волнуют?

— Да, и я готов поспорить с тем, что рейтинги, публикующиеся у нас, являются отражением реальности. Мне вообще кажется, что поклонение богу рейтинга может завести не в ту сторону. Надо хорошенько отдавать себе отчет вот в чем. Фильм «Терминатор» наверняка посмотрело больше людей, чем картину Феллини «Восемь с половиной». И тем не менее фильм Феллини стоит неизмеримо выше «Терминатора». Так каким образом решить эту дилемму? Как учесть не только популярность, но и художественную ценность? Поскольку золотой середины пока не найдено, я придерживаюсь мне-

— Как вы объясняете тот факт, что идея программы «Человек в маске» появилась одновременно в недрах АТВ и ОРТ?

— Здесь могут быть разные предположения. Авторы программы в свое время предложили эту идею первому каналу, и на ОРТ отказались. А потом на первом канале появилась программа Комиссарова. Что и побудило кого-то к разговорам о плагиате. Я не могу ничего утверждать, потому что не знаю. Допускаю, что идея «маски» могла родиться у нескольких людей. Странно только, что это произошло одновременно.

— Какие чувства вызывает у вас герой вашей программы — Человек в маске?

— Изначально я отношусь к нему с большим интересом. Я знаю его историю, но не представляю себе, как он выглядит, как он будет себя вести, что его привело в программу. Хочет ли он исповедаться или ему нужен совет? Единственное, что я знаю точно: этот человек не хочет прославиться. Дальше, по ходу программы, отношение к нему может меняться.

— Антипатия к «маске» у вас когда-нибудь возникала?

— Да. Но я никогда этого не показываю, потому что существуют вполне определенные профессиональные задачи: я должен заставить этого человека разговариваться. Чувствуя мою антипатию, он никогда этого не сделает. Он должен видеть как минимум мою заинтересованность. Кроме того, у меня должен возникнуть контакт с героем программы. Когда контакта не получается, я считаю программу провальной. Были две передачи, которые не вышли в эфир именно по этой причине.

— Раньше вы работали только в жанре авторских программ. Почему тогда вы согласились вести программу «Человек в маске», придуманную не вами?

— Дело в том, что момент моего авторства в этой программе все-таки есть, поскольку я — ведущий, а ведущий всегда вносит в программу что-то свое. Не секрет, что успех передачи во многом зависит от человека на экране. Согласитесь, если «Вести» ведет Сорокина — это одна программа, а если Пупкин-Заволдаевский — уже, извините, другая.

— Недавно вы собрали тех же самых людей, которые 10 лет назад участвовали в знаменитом телемосте «Ленинград — Сиэтл». И публично признали, что во многом тогда были неправы. Вы всегда с такой готовностью признаете свои ошибки?

— Я не сторонник публичного «разделения» — просто потому, что люди не всегда это правильно оценивают. Но в то же время я согласен признать свою неправоту и объяснить, почему я сказал так, а не иначе. Я стараюсь всегда говорить правду. При этом, конечно, осознавая, что моя правда субъективна и может отличаться от правды другого человека.

— В ближайшем будущем вы не собираетесь сделать на телевидении что-то новое?

— Собираюсь. Я не могу вам сказать, что это будет за программа, потому что сейчас она находится в процессе обсуждения. Но новая передача появится. «Человек в маске» и «Мы» по-прежнему будут выходить по понедельникам, а эта программа — в какой-то другой день на канале ОРТ.

— Когда же вы все успеете?

— Наши представления о загруженности работой удивительны. В других странах считается нормальным каждый день быть в эфире, а у нас это уже героизм. Я считаю, что мой режим работы просто курортный.

Лариса ХАВКИНА

ВЛАДИМИР ПОЗНЕР РАБОТАЕТ В КУРОРТНОМ РЕЖИМЕ

Веч. Москва — 1997. — 27 февр. с. 11

что коммерческое телевидение зависит от рекламы и, как следствие, от зрительского спроса на какую-то программу (стоимость рекламы напрямую связана с рейтингом передачи). Такое телевидение вынуждено искать самый общий знаменатель, наиболее упрощенный вариант. Отсюда и обилие пошлости на экране... Но я констатирую это сегодня и совсем не утверждаю, что так будет всегда.

— Что же может случиться завтра? Зрители захотят чего-то высокохудожественного или на телевидение обрушится золотой дождь?

— Завтра, надеюсь, государственное телевидение (я имею в виду 2-й канал) станет таковым не на словах, а на деле. Будет финансироваться государством не на одну треть, а целиком. Тогда на первый план выйдет просветительская роль телевидения, появится достойная альтернатива коммерческим каналам. А кроме того, наступит момент, когда зритель сам пресытится тем «ширпотребом», который ему сейчас навязывают.

— Но в воздухе сегодня витает нечто совершенно противоположное вашим надеждам. Например, слухи о том, что начнется акционирование ВТРК...

— Эти слухи ходят давно, но я им не верю. Во всяком случае, хочется наде-

ния, что к рейтингам нужно относиться спокойнее.

— То, что две ваши программы — «Мы» и «Человек в маске» — не поднимаются в рейтингах на высокие места, с вашей точки зрения — необъективность?

— Ну 16—18 процентов телезрителей — тоже не самый плохой результат. А необъективность заключается в том, что сравнивать можно только программы одного и того же жанра. В других странах это разделение очень четкое: развлекательные передачи сравнивают с развлекательными, а публицистические — с публицистическими. Если мы возьмем область общественно-публицистических программ, то здесь у моих передач хороший рейтинг. А если сравнить их с «Полем чудес», то и результат получится иной. Но зачем сравнивать несравнимое?

— По части ток-шоу вы в нашей стране были первопроходцем. Тогда вы могли предположить, сколько у вас будет последователей?

— Жанр ток-шоу был придуман Филом Донахью три десятилетия назад, и в течение многих лет никто на этот жанр не покушался. Только в середине восьмидесятых у Донахью появились конкуренты. Зато в каком количестве! Я предполагал, что у нас произойдет то же самое, только с меньшим временным разрывом. Но я никогда не был ни против продолжателей, ни против конкурентов.